

И.Ф. Горбунов

Сочинения

Том 3. Часть 1-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.Ф. Горбунов**
Сочинения: Том 3. Часть 1-4 / И.Ф. Горбунов – М.: Книга по Требованию, 2017. – 614 с.

ISBN 978-5-4241-8425-3

ISBN 978-5-4241-8425-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Послѣ кончины И. Ѳ. Горбунова, среди друзей и цѣнителей его таланта рѣшено было по почину графа С. Д. Шереметева, почитать память Горбунова возможно полнымъ и художественнымъ изданіемъ его сочиненій. Средоточеніемъ изданія было намѣчено Императорское Общество Любителей Древней Письменности, членомъ котораго И. Ѳ. Горбуновъ состоялъ втеченіе многихъ лѣтъ. Были отпечатаны бесплатно въ типографіи Суворина особые подписные листы которые были разобраны лицами, сочувствовавшими предпріятію, для сбора необходимыхъ средствъ. Идея изданія встрѣчена была весьма сочувственно, и вскорѣ собрались значительныя средства. Литературную сторону изданія принялъ на себя С. В. Максимовъ, давній другъ И. Ѳ. Горбунова. Имъ было собрано много матерьяловъ, составленъ возможно полный списокъ всѣхъ печатныхъ произведеній Горбунова съ библиографическими указаніями и, кромѣ того, провѣренъ текстъ цѣлаго ряда рассказовъ. Предполагая составить біографическій очеркъ жизни И. Ѳ. Горбунова, онъ писалъ: „Ровно сорокъ лѣтъ, проведенныхъ съ нимъ безъ единого облачка недоразумѣній и разномыслія, дѣйствительно, налагають на меня священный долгъ почитать его память посильнымъ трудомъ характеристики, хотя бы въ формѣ матерьяловъ для біографіи“. Въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: „Прошу убѣдительно не сомнѣваться въ моей искренней всегдашней готовности быть посильно полезнымъ въ дѣлѣ, имѣющемъ для насъ общій живой интересъ и столь важное значеніе“. Къ сожалѣнію, С. В. Максимовъ не могъ исполнить своего намѣренія. Здоровье его слабѣло. Занятый къ тому же другими срочными литературными работами, онъ не могъ дѣятельно трудиться для изданія сочиненій Горбунова. Въ августѣ 1899 года право на изданіе сочиненій И. Ѳ. Горбунова было уступлено наслѣдниками его издателю „Нивы“ А. Ф. Марксу, который при этомъ требовалъ чтобы рисунки изданія, начатаго при Обществѣ Любителей Древней Письменности, по окончаніи изданія, поступили въ его распоряженіе; но, такъ какъ на это согласія изъявлено не было, то осталось въ силѣ другое условіе: чтобы это послѣднее изданіе было напечатано въ количествѣ не болѣе 500 экземпляровъ

и цѣна каждого была бы не дешевле 15 рублей. Съ этими условіями пришлось считаться руководителямъ настоящаго изданія. Въ томъ же 1899 году при Комитетѣ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности для выполненія изданія была образована комиссія въ составѣ слѣдующихъ лицъ: Акад. Н. П. Кондакова, Акад. Н. В. Султанова, Н. Д. Чечулина, А. М. Бѣлова и графа Пв. С. Шереметева. Предсѣдательство въ комисіи было возложено на послѣдняго. Секретаремъ былъ А. М. Бѣловъ. Комиссія въ цѣломъ рядѣ своихъ засѣданій занималась собираніемъ матерьяловъ, входила въ сношенія съ художниками, иллюстрировавшими сочиненія Горбунова, а также съ владѣльцами архивовъ и собраній и отдѣльными лицами. Засѣданія ея не разъ посѣщались лицами, дорожившими памятью И. Ѳ. Горбунова. Такъ, помимо членовъ, бывали: С. В. Максимовъ, М. И. Писаревъ, А. Ѳ. Кони, Н. П. Барсуковъ, А. П. Барсуковъ, Ив. П. Барсуковъ, С. Т. Филипповъ, П. Д. Погодинъ, Т. И. Горбунова-Дмитревская, Ел. Ив. Горбунова-Дмитревская. Комиссія собрала значительное количество матерьяла, опредѣлила техническія условія изданія, выбрала шрифтъ, бумагу, способъ воспроизведенія рисунковъ. Исполненіе самаго изданія легло на предсѣдателя комисіи графа Пв. С. Шереметева, которому пришлось главнымъ образомъ взять на себя составленіе плана изданія, наблюденіе за текстомъ, сношенія съ художниками, собираніе матерьяловъ и корректуру. Весьма большую помощь въ этомъ дѣлѣ, благодаря своимъ цѣннымъ указаніямъ и совѣтамъ, оказали близкіе друзья И. Ѳ. Горбунова, покойные М. И. Писаревъ и Н. П. Барсуковъ. Особенно большую помощь оказалъ М. И. Писаревъ. Въ дѣлахъ изданія хранится много его писемъ съ библиографическими указаніями. Онъ продиктовалъ примѣчанія, отмѣченныя буквами М. П.; составилъ списокъ ролей, игранныхъ И. Ѳ. Горбуновымъ, дѣлился воспоминаніями о немъ, помогалъ въ сношеніяхъ съ разными лицами, но, къ сожалѣнію, не могъ исполнить своего намѣренія записать свои воспоминанія о Горбуновѣ.

Комиссія считаетъ долгомъ выразить свою искреннюю и глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ успѣху настоящаго изданія сообщеніемъ подлинныхъ произведеній И. Ѳ. Горбунова, воспоминаній о немъ, исполненіемъ безвозмездно рисунковъ, доставленіемъ фотографій и прочихъ матерьяловъ, именно: К. Б. Алмазову, П. Д. Ахлестышеву, А. П. Барсукову, П. И. Бартеневу, А. А. Бахрушину, В. В. Бахрушиной, Н. Н. Безаку, А. Ѳ. Безобразову, Н. П. Богданову-Бѣльскому, С. С. Боткину, А. К. Варженевскому, князю Б. А. Васильчикову, князю С. М. Волконскому, князю М. М. Голицыну, М. И. Горбуновой, Е. И. Горбуновой-Дмитревской, П. Я. Дашкову, барону Н. В. Дризену, С. Д. Евреиннову, П. І. Жабѣ, М. А. Жемчужниковой, М. И. Ишутинной, С. И. Ишутинной, В. К. Истоминову, Проф. Д. Н. Кайгородову, графу Н. Е. Комаровскому, Акад. А. Ѳ. Конн, г. Кошечерову, Акад. А. А. Кошелеву, В. П. Ламбину, Акад. В. В. Матѣ, Г. С. Максиму, Н. А. Дмитриевой-Никулиной, князю Д. Д. Оболенскому, Б. М. Петрово-Соловово, Акад. А. А. Потѣхину, Акад. И. Е. Рѣпицу, А. П. Сабурову, М. П. Садовскому, А. Д. Свер-

бееву, князю П. Д. Святополкъ-Мірскому, священнику Г. С. Станиславлеву, М. Г. Савиной, Преосвященному Сергію епископу Ковенскому, А. А. Стаховичу, М. А. Стаховичу, Н. В. Тимофѣеву, С. Т. Филиппову, А. П. Ѳедорову, Д. А. Хомякову, Н. А. Хомякову, П. И. Шанину, графу С. Д. Шереметеву, В. В. Шереметеву, графу Д. С. Шереметеву, графу Б. С. Шереметеву, графу Петру С. Шереметеву, О. Н. Шереметевой, Н. Б. Шереметеву и П. И. Щукину.

Въ корректурной работѣ, кромѣ предсѣдателя, приняли участіе слѣдующія лица: А. М. Бѣловъ, священникъ о. Н. И. Голубевъ, княгиня В. И. Горчакова, В. В. Майковъ, Н. З. Пановъ, И. М. Починовскій, княгиня М. А. Трубецкая, графиня Е. П. Шереметева, графъ Д. С. Шереметевъ, графъ Б. С. Шереметевъ, Н. Б. Шереметевъ, Б. Б. Шереметевъ и Н. В. Тимофѣевъ. Комиссія считаетъ долгомъ выразить всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ свою глубокую благодарность.

Священный долгъ обязываетъ помянуть съ благодарностью скончавшихся въ продолженіе работъ по изданію и содѣйствовавшихъ его успѣху: Н. П. Барсукова, Ив. П. Барсукова, Л. В. Васильеву, Т. И. Горбунову-Дмитревскую, А. В. Дена, барона М. П. Клодта, графа А. Н. Ламздорфа, С. В. Максимова, М. В. Островскую, М. И. Писарева, С. А. Рачинскаго, А. П. Робуша, Вл. С. Соловьева, Б. С. Шереметева, Г. Ѳ. Штендмана, П. Н. Тиханова, Т. И. Филиппова и С. П. Яковлева, а также художника А. П. Рябушкина, выразившаго согласіе исполнить рисунки на болѣе доступныхъ основаніяхъ.

Въ выпускаемая нынѣ въ свѣтъ первыя четыре части третьяго тома не вошли статьи И. Ѳ. Горбунова по исторіи Русскаго театра. Онѣ выйдутъ въ скоромъ времени въ пятой и послѣдней части этого тома, вмѣстѣ съ азбучнымъ указателемъ произведеній Горбунова и указателемъ лицъ и географическихъ названій.

ЧАСТЬ I.

Въ началѣ декабря 1849 года, на письменномъ столѣ, въ кабинетѣ покойнаго учителя моего Н. В. Берга я увидѣлъ четыре тетрадки, сложенныя въ четверку, писанныя разными почерками. На обложкѣ первой было крупно написано „Банкротъ“. Это слово зачеркнуто и подъ нимъ тоже крупно: „Свои люди сочтемся, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. А. Островскаго“.

„Какое пріятное занятіе эти танцы! Что можетъ быть восхитительнѣе!..“ началъ читать я.

Этотъ монологъ охватилъ все мое существо. Я прочиталъ всю піесу, не вставая съ мѣста.

— Позвольте списать, Николай Васильевичъ!—обратился я къ Бергу.

— Сегодня я долженъ отдать назадъ. Островскій будетъ читать ее у М. Г. Попова [университетскій товарищъ Александра Николаевича]*. Піеса врядъ ли будетъ напечатана.

Въ тотъ же день, въ обѣдъ, я пришелъ къ Матвѣю Григорьевичу Попову и предложилъ ему свои услуги переписать піесу съ тѣмъ, чтобы одинъ экземпляръ оставить у себя. Писалъ я въ то время отлично.

— Вѣроятно авторъ намъ это позволитъ, отвѣчалъ Матвѣй Григорьевичъ, и тотчасъ же усадилъ меня въ своемъ кабинетѣ, далъ мнѣ какую-то необыкновенно глянцевою бумагу, на которой писать также было трудно, какъ на стеклѣ, тѣмъ болѣе, что и перья тогда употреблялись болѣе гусинья!

Около восьми часовъ вечера въ кабинетъ вошелъ бѣлокурый, стройный, франтовато одѣтый [въ коричневомъ со свѣтлыми пуговицами фракѣ и, по тогдашней модѣ, въ необыкновенно пестрыхъ брюкахъ] молодой человекъ, лѣтъ двадцати-пяти. Набилъ трубку табаку, выпустилъ два-три клуба дыму и съ боку, мелькомъ взглянулъ на мое чистописаніе.

Это былъ А. Н. Островскій.

— Позвольте васъ спросить, робко обратился я къ нему: я не разберу вотъ этого слова.

— „Упаточилась“, отвѣчалъ онъ, посмотрѣвъ въ тетрадку, слово русское, четко написанное.

* Матвѣй Григорьевичъ Поповъ, женатый на Прончищевой, былъ директоромъ малолѣтняго отдѣленія Московскаго Воспитательнаго Дома. М. П.

Спросилъ я, впрочемъ, не потому, что не разобралъ этого слова, а просто я горѣлъ нетерпѣніемъ услышать его голосъ.

Въ восемь часовъ въ залѣ началось чтеніе. Мы съ братомъ Матвѣя Григорьевича слушали изъ кабинета. До конца, до мельчайшихъ подробностей, вѣдомый мнѣ міръ, изъ котораго взята піеса, изумительная передача въ чтеніи характеровъ дѣйствующихъ лицъ произвели на меня неизгладимое до сихъ поръ впечатлѣніе.

Въ теченіе декабря и января я переписалъ піесу три раза и выучилъ ее наизусть. Она была напечатана въ мартовской книгѣ Москвитянина 1850 года, но играть ее на сценѣ не позволили *. Авторъ былъ взятъ подъ надзоръ полиціи.

— Это вамъ больше чести—сказалъ ему графъ Закревскій, лично объявляя Островскому распоряженіе высшаго начальства. Графъ Закревскій любилъ произведенія Островскаго. Піесы: „Свои люди сочтемся“ и „Бѣдность не порокъ“ авторъ читалъ у него въ домѣ.

Надзоръ былъ снятъ по всемилостивѣйшему манифесту при вступленіи на престолъ императора Александра II.

Позвольте васъ поздравить!—съ улыбкою сказалъ Александру Николаевичу квартальный надзиратель, объявляя ему о снятіи съ него надзора.

— Васъ тоже позвольте поздравить съ окончаніемъ безпокойствъ и поблагодарить, что вы меня здраво и невредимо сохранили.

Квартальный расшаркался.

— Кажется мы васъ не безпокоили и доносили объ васъ какъ о благороднѣйшемъ человѣкѣ. Не скрою однако, что мнѣ одинъ разъ была за васъ нахлобучка.

Эта встрѣча съ Александромъ Николаевичемъ повліяла на всю мою дальнѣйшую судьбу. Я жилъ въ то время на окраинѣ Москвы, въ захолустѣ: давалъ уроки въ небогатыхъ купеческихъ домахъ.

Я былъ страстный любитель театра. Съ однимъ пріятелемъ мы ходили въ Малый театръ чуть не каждый день, и сидѣли всегда въ райкѣ. У насъ были тамъ свои привилегированныя мѣста, которыя занимать никто не могъ, потому что мы забирались въ театръ до спуска средней люстры. Сосѣдями нашими были большею частью студенты Московскаго университета и одинъ почтенный учитель русской словесности Андрей Андреевичъ, всегда ходившій въ синемъ форменномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Онъ постоянно вступалъ со студентами въ споръ о піесѣ и ея исполнителяхъ.

Въ залѣ пусто и темно, лишь въ окрестрѣ мелькаетъ нѣсколько огоньковъ. Посреди мрака и тишины, вдругъ пикинула скрипка, ей отвѣчаетъ другая, третья... Смолкло. Огоньки начинаютъ прибывать. Маленькую трель испустила флейта; дали знать о своемъ существованіи литавры... Свѣту въ оркестрѣ все больше и больше.

* А. Н. подарилъ мнѣ оттиски съ авторской надписью И. Г.

Дружатся между собою скрипки; крякнулъ контрабасъ; нѣжную, сладенькую нотку дала віолончель... Въ оркестрѣ начинается полная жизнь: всѣ инструменты пришли въ движеніе. Люстра медленными порывами выходитъ изъ отверстія. Раекъ съ шумомъ и крикомъ наполняется зрителями. Мѣста берутся съ бою.

— Нѣтъ, вы позвольте! Мы тоже деньги заплатили.

— Я и въ креслахъ могу сидѣть.

— Ну такъ туда и пожалуйста по вашему чину.

— Что вы,—въ баню что-ли пришли?

— Послушайте, тутъ дамы.

— Что-жъ, мы ничего такого не говоримъ.

— Поберегите ваши слова для Таганки.

— Мы въ Тверской-Ямской живемъ, а не въ Таганкѣ.

— Оно и видно.

Успокоились, усѣлись.

— Какая игра?

— „Левъ Гурычъ Синичкинъ“.

— Живокини дѣйствуетъ?

— Дѣйствуетъ.

— Ублажить! Намедни онъ на кровати съ господиномъ Васильевымъ * разыгрывали... умора.

— Почтенный, подвиньтесь маленько.

— Не забывайся!

— Ухъ, какъ страшно!

— Въ шубѣ-то, пожалуй, сопрѣешь, а дѣвать ее некуда.

— Въ шубѣ совсѣмъ невозможно—растаетъ: жара, какъ въ кузницѣ.

— Квасокъ малиновый!

— Что ты тутъ топчешься? Еще игра не начиналась, а ужъ онъ съ квасомъ!

— Ты приходи по третьему поту, а теперь пока рано: къ твоему квасу еще расположенія нѣтъ.

— Въ купонахъ сидѣть превосходнѣе, а для дамъ даже оченно...

А здѣсь такъ намнутъ...

— Кто же это позволить?

— Да тутъ, тетенька, и позволенія вашего не будутъ спрашивать, потому—тѣснота. Видите, какъ народъ претъ.

Подобныя перемолвки продолжаются и во время антрактовъ.

Купцы, въ средѣ которыхъ мнѣ приходилось бывать, были неохотливы до театра.

— Живемъ мы въ тѣхъ же направленіяхъ, какъ наши старики жили. И слава Богу,—лучше намъ не надо!—говорили они.

На сценѣ Большаго московскаго театра знаменитая танцовщица Фанни Эльслеръ. Москва преклонялась предъ ея талантомъ. Въ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ выставлены ея портреты; рестораторъ Шевалье готовитъ котлеты à la Fanny Elsler; въ табачныхъ магазинахъ предлагаютъ папиросы Fanny Elsler; модистки мастерятъ шляпки Fanny Elsler. Имя Фанни Эльслеръ у всѣхъ на

* Водевиль: „Комната съ двумя кроватями“. И. Г.

языкъ. Балетоманы на верху блаженства; поэты бряцаютъ на лирахъ. Увлеченіе дошло до того, что одинъ солидный чиновникъ, занимавшій видный служебный постъ, въ порывѣ восторга, вскочилъ на козлы кареты артистки и прослѣдовалъ съ нею до ея отеля. Были очень почтенные люди, считавшіе за счастье получить отъ нея на память башмаки, въ которыхъ она танцевала. Поэты привѣтствовали ее восторженными стихами. Н. В. Бергъ выходилъ изъ себя; все ему въ ней нравилось.

Да, мнѣ милы и за то вы,
Что, любя Москву мою,
Полюбили въ ней еще вы
Наши горы Воробьевы,
Что гуляли по Кремлю.

Описывая поѣздку артистки на Поклонную гору поэтъ восклицаетъ:

На горѣ у насъ Поклонной
Положили вы поклонъ,—
На горѣ, отколь, въ дни оны,
Подошли къ стѣнамъ Москвы,
Распустивъ свои знамены,
Грозныхъ Галловъ легіоны—
Бонапартовскіе львы.
Тамъ, свои покинувъ дрожки,
Вы смотрѣли на Москву—
Тамъ и ваши чудо-ножки
Пропорхнувши вдоль дорожки,
Смяли нашу мураву;
И слегка напечатлѣнный
Вашихъ ножекъ нѣжный слѣдъ,
Вашей славой озаренный,
Приростеть къ горѣ Поклонной,
Приростеть на много лѣтъ *.

Андрей Андреевичъ былъ въ восторгѣ отъ Фанни и, во время антрактовъ, читалъ намъ лекціи „о мастерствѣ и художествѣ“.

— Это—художница! Это—великая художница! Это—предѣлъ хореографическому искусству: дальше уже тамъ нѣтъ ничего. Всѣ наши танцовщицы передъ ней только большія мастерицы и больше ничего! Мнѣ жалко смотрѣть на прыгающихъ мужчинъ, на кру-

Въ записныхъ книжкахъ И. Ѡ. Горбунова записано продолженіе этого стихотворенія:

Вспоминали вы не разъ,
Какъ Москва, безъ битвы, даромъ,
Опаленная пожаромъ
Супостату отдалась.
И душою возмущенной,
Какъ бы слыша гулъ и стонъ
Той эпохи отдаленной
На горѣ у насъ Поклонной
Положили вы поклонъ.
Да мнѣ милы и за то вы,
Что нерѣдко посѣщали
Наши вы монастыри;
Пѣнью иноковъ внимали
И подъ Синодальнымъ ждали
Появленіе зарн.

Прим. ред.